К.А.Трифонова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

О функционировании глагольных форм прошедшего времени в «Поучениях Кирилла Иерусалимского» по списку XIII в.

древнерусская письменность, глагол, функционирование, прошедшее время

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 15-04-002837).

«Поучения огласительные» Кирилла Иерусалимского — южнославянский перевод кон. IX – нач. X вв., приписываемый Константину Преславскому [Цонев 1995: 264–265] и сохранившийся в нескольких восточнославянских списках. Данные поучения предназначались оглашенным – принимающим крещение, а значит, выслушать или прочитать их надлежало каждому верующему. Этот факт обусловил большую распространенность поучений и в Византии, и в славянских странах. Древнейший список поучений – так называемые Хиландарские листки, полный текст поучений дошел до нас в Син478 (кон. XI – нач. XII вв.) [см. Горский, Невоструев 1859], а также в некоторых других более поздних списках, среди которых важнейшие – Толстовский сборник второй половины XIII в. (л. 89 об. – 184; далее – СбТол XIII_2) и Успенский список XVI в. Рукопись СбТол XIII_2 до сих пор не издана. Далее будет рассматриваться рукописный материал СбТол XIII_2. В СбТол XIII_2 на 92 листах записано 16 «оглашений», последнее из которых обрывается на словах «н їна ст҃го д҃ха нъ та же преже свѣдтельствова павловн прилучашасѧ ему да бл҃годѫшенъ будет». Оглашение — дидактическое произведение, которое является не только проповедью, но и сводом догматических и нравственных истин, необходимых для назидания приходящих к вере. Интересно функционирование глагольных форм прошедшего времени в этих «Поучениях».

Формы аориста сохранялись в русском языке примерно до XIV в., в отдельных случаях – до XVI–XVII вв., представляя собой архаичное явление [Хабургаев 1991: 45]. Аорист обозначал действие, целиком отнесенное в прошлое, не расчлененное на отдельные моменты [Борковский, Кузнецов 1965: 267]. С этим значением аорист используется в «Поучениях»: в ед. ч.: азъ же **насадихъ** т҃ѧ винограда плодовіта (92.2.25); ненавидѧщаꙗ тѧ **възненавидѣхъ** (183.1.4) и т.д.; во мн.ч.: ꙗже ѡуі свої **смѣжіша** · іде же бо самоволно зловѣство (125.2.13); како **възвратиша** на вѣръ н **възалкаша** акы песъ (162.1.24) и т.д. Смысловое значение данного претерита подтверждается и преобладанием форм аориста, образованных от глаголов совершенного вида: простой аорист – 100%, сигматический – 87%, новосигматический – 90%. В «Поучениях» мы находим как формы сигматического аориста с наращением -тъ в формах 3 л. ед. ч.: бѫтъ (149.1.18), так и без конечного -тъ: бы (106.1.24), бѫ (152.2.19). Отмечается исключительно правильное употребление форм аориста 2 л. мн.ч.: віжь что **бѣсте** · нъ **ѡмыꙗ стесѧ** · нъ **ѡстїстесѧ** · недовѣдомыи бо грѣхъ ѡ҃даетъ (100.2), на кого **ѡ҃верзосте** оуста своꙗ · і на кого **исплазнисте** ꙗзыкы ваша (164.2) и т.д. Несомненным доказательством живого функционирования дв. ч. в древнерусском языке является образование и употребление личных глагольных форм 3 л. дв.ч. на -та. Так, в «Поучениях» мы встречаем аористные формы только с этим наращением: ꙗко **видѣста** ѡуи мои (141.2), пришедшю же г҃ві **припадоста** сестрѣ і глцю кде н есте положіли (117.2) и т.д. Формы 1 л. ед., дв., мн., 2-3 дв. и 2 мн. с основой на -а типа слышахомъ могут быть распознаны и как формы имперфекта из-за «стяжения» форм и, вследствие этого, омонимии.

Имперфект выражал действие в прошлом, не ограниченное во времени, длительное или повторяемое, но опять-таки без ограничения во времени этой повторя-

емости. Все 55 форм имперфекта, найденные в «Поучениях», образованы от глаголов НСВ и использованы в «стяженном» варианте (исключение составили формы бѣаше (119.2.21), имѣяше (96.1.26). «Имперфект на /-t-/, несомненно, имеет праславянское происхождение… [оно] обусловлено развитием модели с вариативностью первичных и вторичных окончаний в 3 л. ед. и мн. числа *-ti и *-nti vs. *-t и *-nt» [Жолобов 2014: 129]. Как и в других древнерусских текстах, в «Поучениях» можно встретить формы имперфекта 3 л. мн. ч. с окончанием -ть: одна перед энклитикой н: молѧ хуть н (96.2.2), две формы перед личным местоимением ему: не ре бо помагахуть ему · нъ служахуть ему (139.1.4), остальные 22 формы использованы без него. В «Поучениях» наблюдаются правильные формы имперфекта с чередованиями в основе: дивлѧхусѧ (141.2.7), исхожаше (100.1.9), прошаше (168.1.19), можаше (117.2.1), можаху (138.1.15). Таким образом, переводчик отдает предпочтение старым формам.

Что касается форм перфекта, который превратился в универсальную форму прошедшего времени в русском языке, то уже к XI в. его формы видоизменялись, теряя связку, первоначально это происходило там, где было подлежащее. Перфект обозначал отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершенного в прошлом действия [Борковский, Кузнецов 1965: 269]. Утрата впоследствии вспомогательного глагола снимала связанность перфекта с настоящим временем, что превращало причастие на -л в простую глагольную форму, служащую для обозначения прошедшего действия. В «Поучениях» встречаются формы перфекта как со связкой (56 форм), так и без нее (11 форм), отсутствие связки, во-первых, объясняется тем, что в ряде однородных форм перфекта может использоваться одна связка, таким образом, мы не считали остальные формы бессвязочными: а кртынъин оубо вѣнець **просвѣтилъ** оубо **есть** невидѣннемь сѣпыѧ · **раздрѣшилъ** же всѧ грѣхомь сдержимыѧ і миръ весь улкъ **нзбавилъ** (158.2-159.1). Собственно бессвязочные формы перфекта в контексте могли усиливать свою семантику, близкую к аористной или имперфектной, нейтрализуя при этом значение результативности, например, і **взѧл** · срѣбреннкъ · і **вложи** ѧ въ храмъ гнь (162.2) (здесь форма взѧл по грамматической семантике очень близка к форме аориста взѧ/взѧть); **не бѧше** где пастырѧ приложити · ни масла **ни ѡбѧзаль** (150.1) (близка по значению форма имперфекта ѡбѧзаше) и т.д. Кроме того, подобная свободная взаимозаменяемость перфекта и аориста, соседство этих форм в качестве однородных членов указывают на возможность обозначать немаркированное действие в прошлом («акциональный перфект» [Иванов 1995: 448]), см. пример выше. Формы перфекта употребляются в «Поучениях» в абсолютном большинстве случаев грамматически правильно, нарушений правил употребления перфекта, т.е. использования его вне перфектного значения нет. Обращает на себя внимание, что в данном отрывке сборника встречаются развернутые контексты с большим количеством форм перфекта с пропуском и без пропуска связок: аще о васъ кто словесы хулны · **пропалъ есть** х · аще кто поневѣжьствѣ **ѡберглъсѧ есть** предъ улькы · аще кто злыми дѣлы хулить правовѣрное оуение · і **створилъ есть** (102.2); кртъ всѧ сѣбра · сь персы **поработилъ есть** · и скюфы **оукротилъ** · сь егуптѧномъ въ кунъ мѣсто и песъ · и многыѧ льстн · ва увѣдѣтн **далъ есть** (170.1). В большей части (39 случаев) перфект образован от приставочных основ СВ, например, пришалъ есн (162.1.7), въсталъ есть (161.2.14), познали (146.1.21) и т.д., или неохарактеризованных по виду бесприставочных в значении СВ, например, видѣлъ есть (146.1.17), держилъ (150.1.11). Особый интерес для выявления специфики значения перфекта, тенденций его эволюции представляют образования не от основ СВ, а таких форм в «Поучениях» не так уж мало – 13 случаев от смысло-

вых глаголов, где бесприставочные основы, примыкающие к НСВ в силу специфики своего аспектуального значения – стативы, неопределенно-кратные глаголы движения и некоторые бесприставочные имперфективы [см. Кукушкина, Шевелева 1991: 46–47]. Перфектность в этих случаях выражается значимостью для настоящего (более позднего временного плана) данного факта в прошлом: ѡмоуисѧ тѣло его ѿ росы · понеже преже видѣвъ ѹгасъша ѿ росы ѡгнь · не вѣровал і [Тело его омочилось росою, потому что, прежде видя потушенный росою огнь, он не уверовал] (97.2); пріемлемъ духовную і разумную тѧпезу і ꙗже есмы сѣяли нынѧ слезами · і веселнемь пожнемъ въ придущи вѣкъ [приемлем духовную и разумную пищу, которую посеяли ранее слезами, пожнем веселием в будущем веке] (111.1).

Плюсквамперфект – время, выражающее действие, предшествующее другому прошедшему действию, а не моменту речи. П.В. Петрухин на материале Лаврентьевской летописи представляет достаточно четкие противопоставления сложных претеритов: перфект употребляется преимущественно в относительных придаточных, событие, его действие неактуально, предсказуемо; плюсквамперфект же встречается в других типах (прежде всего причинных), обозначаемое им действие всегда актуально для данного момента повествования [Петрухин 2004: 89]. В «Поучениях» мы встречаем лишь 2 формы плюсквамперфекта, где вспомогательный глагол представляет собой форму имперфекта: н преже роділ҃ъ бѧше предъ ц҃рствомь (156.1), ꙗко же ѥтерн ѿ старѣншинъ жреческы҃х · пришли бѧху (162.1).

Поворотным этапом в истории глагольных времен стало преобразование темпоральной системы, которое сводилось к утрате простых претеритов из народно-разговорной речи и функционированию их лишь в языке книжной письменности. «Поучения» удерживают во многом архаичную систему древнерусских глагольных времен, например, простые претеритальные формы, сохраняя зачастую свою исконную семантику, достаточно правильно употребляются в морфологическом отношении. Данный отрывок сборника демонстрирует сохранение значительного количества архаичных форм, например, сложные аналитические формы прошедшего времени. Рассмотрена семантика сложных претеритов, их употребление в зависимости от желания писца показать результативность действия, отмечена вариативность в выборе связки.

Литература

Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. – М.: Наука, 1965. – 555 с.

Горский А. В. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, 2/2 / А.В.Горский, КИ.Невоструев. – М., 1859. – 357 с.

Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / отв. ред. В.В.Иванов. – М. : Наука, 1995. – 520 с.

Жолобов О.Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках / О.Ф.Жолобов // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 1(23). – С.194–231.

Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской Первой летописи по синодальному списку / П.В.Петрухин // Russian Linguistics. – 2004. – 28. – С. 73–107.

Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) / Г.А.Хабургаев // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 42–54;

Цонев И. «Кирил Иерусалимски» / И.Цонев // Кирило-Методиевска енциклопедия. – София, 1995. – Т.2. – С.264-265.